

Глава 16

Падение луны

Впрочем, это величественное сияние меча продлилось лишь мгновение.

В следующую секунду свет погас, и мир погрузился в тишину.

Юэ Бочжи по-прежнему висел в небе, словно луна, а те великие мастера, один за другим, падали вниз, как метеориты.

Демоническая ци повелителя демонов рассеялась, свет буддийского монаха померк, демонический ветер короля демонов-зверей утих... Их тела рухнули с высоты на землю, подняв облако пыли.

Юэ Бочжи протянул руку, словно пытаясь что-то поймать.

Над Тайным царством Терновника холодная луна внезапно дрогнула и медленно начала падать.

Её свет постепенно угасал, сгущаясь в кристально чистую нефритовую подвеску, которая опустилась ему на ладонь.

Это и была реликвия Юэ Лофу — Нефритовая подвеска упавшей луны.

Приняв реликвию матери, Юэ Бочжи вложил меч в ножны.

Он плавно опустился, легко, словно ступая по снегу, и вернулся в свой облачный паланкин.

Занавес паланкина слегка колыхнулся, зазвенели серебряные колокольчики, их чистый, приятный звук возвестил, что дело сделано и он уезжает.

Для поверженных великих мастеров это было унижительнее смерти.

«Юэ Бочжи! Стой!» — взревел повелитель демонов, его голос был полон ярости, но не мог скрыть слабости.

«Это ещё не конец!» — прорычал буддийский монах, но все слышали, что он был слишком слаб, чтобы продолжать бой.

«Юэ Бочжи! Мы с тобой не закончили!» — взвыл король демонов-зверей, но его голос дрожал от бессилия.

...

Они кричали не от безумия.

Они были слишком тяжело ранены, чтобы покинуть это тайное царство, но все видели их слабость, и они боялись, что, как говорится, «дракон на мелководье становится игрушкой для креветок».

Быть убитыми и ограбленными этими гиенами было бы куда унижительнее, чем пасть от меча Юэ Бочжи.

Поэтому они и зывали к нему, желая сражаться до конца.

В мире совершенствующихся это было в порядке вещей.

Оставить их полумёртвыми среди толпы низкоуровневых и жадных совершенствующихся было поступком, противоречащим кодексу чести.

Вот только Юэ Бочжи, похоже, не слишком заботился о кодексе чести.

Тюлевый занавес паланкина колыхнулся, и показалось бледное лицо Юэ Бочжи. «У меня слабое здоровье, я больше не могу сражаться».

«Ты... у тебя слабое здоровье?! Не можешь сражаться?!» — великие мастера всё больше убеждались, что он притворяется.

Юэ Бочжи кашлянул и замолчал.

«Хватит смелости — убей меня!» — взревел повелитель демонов.

«Хватит смелости — умри сам», — холодно ответил Юэ Бочжи.

С этими словами паланкин взмыл ввысь и через мгновение исчез.

Повелитель демонов, буддийский монах и король демонов-зверей бессильно лежали на земле, их дыхание было прерывистым, а сила иссякла.

Когда-то они были всемогущими правителями, а теперь стали хрупкими, как стекло.

Наблюдавшие за битвой совершенствующиеся, поначалу опасавшиеся их славы, не решались действовать.

Но прошло время, и кто-то крикнул: «Истребим зло, защитим праведный путь!»

И тут же бесчисленные совершенствующиеся, словно волна, хлынули к поверженным мастерам.

«Убьём их! Избавим мир от зла!»

«Очистим мир совершенствующихся от демонов!»

«Эти злодеи заслуживают смерти!»

Лозунги звучали со всех сторон, словно они и впрямь сражались за справедливость.

Первым бросился вперёд бродячий совершенствующийся, которому честь была не писана.

Он взмахнул своим костяным ножом, целясь в раненую руку повелителя демонов, и не забыл прокричать для прикрытия: «Ты помнишь, как убил моего отца?!»

Хотя его отец был жив и здоров, никто об этом не знал.

Сам повелитель демонов тоже не был уверен, убивал ли он отца этого парня, — он убил столько отцов, что и не сосчитать.

Он отбросил нападавшего одной рукой и уже было усмехнулся, но тут же получил удар в спину. Удар был сильным и точным, прямо в лопатку, и кровь хлынула фонтаном.

«Где его артефакты? Ищите!» — крикнул кто-то, и несколько совершенствующихся тут же окружили его, срывая с него одежду, даже его внутреннюю броню. Тело повелителя демонов переворачивали и обыскивали.

«Нашёл! Его кольцо-хранилище!» — радостно закричал один, держа в руке чёрное кольцо.

Других великих мастеров постигла та же участь...

В конце концов, когда они испустили дух, на них не осталось даже нижнего белья.

Конечно, не все повели себя как шакалы, добивающие раненого льва.

Личные ученики Школы Сокрытого облака, то ли из-за правил, то ли из-за приличий, то ли из-за страха, не приняли участия в этой свалке.

Хэ Чуми, выросший в роскоши, никогда не видел такой неприкрытой, безумной жадности.

Он смотрел, как совершенствующиеся, словно гиены, набрасываются на поверженных мастеров, и в его глазах читались шок и непонимание. «Они... как они могут?»

Хай Цюншань, стоявший рядом, потянул его за рукав. «Пойдём, нам здесь не место».

Хэ Чуми на мгновение растерялся, а затем кивнул, позволяя Хай Цюншаню увести себя из этого хаоса.

Вань Лайцзин молча наблюдал, не вмешиваясь и не осуждая. Лишь когда всё закончилось, он прикрыл тела павших одеждой и похоронил их на месте.

«Прах к праху, пыль к пыли...» — сказал он, но в его глазах не было ни капли жалости, лишь лёгкое безразличие.

И даже такой жадный негодяй, как Те Хэнцю, не присоединился к этой свалке.

Ещё до начала беспорядков он развернулся и бросился на поиски паланкина Юэ-цзуня.

Паланкин опустился в глубине Тайного царства Терновника, среди густых зарослей.

Те Хэнцю, затаив дыхание, лежал в траве и осторожно наблюдал. Он лихорадочно соображал, как начать разговор, чтобы Юэ-цзунь удостоил его взглядом и сказал хоть пару слов.

Но не успел он ничего придумать, как его тело внезапно взмыло в воздух, а затем было с силой брошено на землю перед паланкином.

Сердце его сжалось. Он тут же распростёрся на земле. «Ученик Те Хэнцю приветствует Юэ-цзуня!»

Он как никогда ясно осознал, какая пропасть лежит между ним и Юэ Бочжи.

Отблески меча Юэ Бочжи всё ещё горели в его глазах.

Он понимал, что, даже тренируясь сто лет, не достигнет и тысячной доли его мастерства.

Но это лишь подстегнуло его.

Ядовитая жадность, присущая его натуре, горячо разлилась по всему телу.

Обычно Юэ Бочжи вёл уединённый образ жизни, а Те Хэнцю должен был тренироваться на главном пике, и, кроме как в новолуние, когда он носил лекарство, они почти не виделись.

Если он хотел приблизиться к Юэ Бочжи, оставить в его памяти след, сейчас был редчайший шанс.

Он должен был за него ухватиться.

Он привык. Привык рассчитывать, бороться и при этом держаться как можно скромнее.

Иначе на его долю выпадут не блага, а кулаки.

Он привык к такому способу выживания.

И сейчас он мастерски склонил голову, его шея изобразила робкий, испуганный изгиб — такой, что любой порядочный человек не смог бы его упрекнуть.

«Ученик только что видел, как Юэ-цзунь говорил, что ему нездоровится, и слышал кашель. Я испугался, что у вас обострился старый недуг, поэтому последовал за вами, чтобы предложить лекарство», — почтительным тоном произнёс Те Хэнцю.

Словно боясь, что Юэ Бочжи ему не поверит, он достал из сумки из семени горчицы мешочек с лекарством — Порошком застывшего инея холодной росы. Хоть это лекарство и не было таким ценным, как Отвар снежной души, но оно подходило для лечения его недуга.

Конечно, у него самого не было таких ценностей, он раздобыл их у Хэ Чуми.

Сейчас он держал мешочек двумя руками, его лицо выражало смирение и почтение, страх и робость, но без излишнего подобострастия.

Занавес паланкина слегка колыхнулся — то ли от руки Юэ-цзуня, то ли от ветра.

«Как ты узнал, что я здесь?» — донёсся равнодушный голос Юэ Бочжи.

В его тоне слышался ледяной холод, и Те Хэнцю понял, что если он не найдёт подходящего объяснения, то в следующую секунду лишится головы.

Но он уже всё продумал. Медленно достав нефритовую табличку, он сказал: «У меня слабая основа и невысокий уровень совершенствования, к тому же я недавно оправился от тяжёлых ран. Наставник дал мне эту нефритовую табличку для определения местоположения, чтобы в случае необходимости я мог найти ведущего отряд».

Юэ Бочжи на мгновение замолчал, словно вспоминая, что такое правило действительно существует: ведущий отряд должен в случае необходимости оставлять слабым ученикам табличку для определения местоположения, чтобы предотвратить несчастные случаи.

Он никогда не занимался такими делами и впервые вёл отряд, поэтому не был знаком с такими мелкими правилами.

Но это объяснение было вполне логичным.

И упрекнуть его было не в чем.

В паланкине наступила тишина, а затем снова раздался голос Юэ Бочжи, в котором уже было меньше холода: «Вот как».

Те Хэнцю с облегчением вздохнул и, опустив голову, смиренно произнёс: «Ученик не смеет беспокоить Юэ-цзуня, я лишь беспокоился о вашем здоровье и потому осмелился прийти».

«Сколько у тебя ещё таких табличек?» — тихо спросил Юэ Бочжи.

Сердце Те Хэнцю сжалось. Он тут же достал оставшиеся таблички и, держа их двумя руками, почтительно сказал: «Все здесь».

В следующую секунду все таблички в его руках бесшумно рассыпались в пыль.

Те Хэнцю остолбенел, но тут же услышал голос Юэ Бочжи из-за занавеса: «Я не беру чужого даром. Скажи, какой награды ты хочешь?»

Это звучало как милость.

Но Те Хэнцю прекрасно понимал, что если он сейчас попросит награду, то вряд ли получит что-то стоящее.

Он опустил глаза и, как и прежде, смиренно ответил: «Ученик не смеет и мечтать о награде».

«Я не люблю ложь», — холодно сказал Юэ Бочжи.

Сердце Те Хэнцю сжалось, и он инстинктивно принял ещё более смиренный вид: «Ученик не смеет лгать».

«Не смеешь?» — в голосе Юэ Бочжи послышалась усмешка.

Он прекрасно знал этого Те Хэнцю: ученик-чернорабочий, который постоянно на него пялился, с дерзким огнём в глазах, думая, что хорошо это скрывает.

«Не смеет мечтать о награде? — мысленно усмехнулся Юэ Бочжи. — Он смеет мечтать обо мне, так чего же он ещё не смеет?»

Но он не стал его разоблачать, а лишь сказал: «Редко кто проявляет такую сыновнюю заботу. Раз так, принеси мне кое-что, как тебе?»

Услышав слово «сыновняя забота», Те Хэнцю почувствовал лёгкий укол вины. «Почему от этого у меня возникает чувство, будто я совершаю что-то неподобающее?»

Но он, как и прежде, смиренно опустил голову: «Как прикажете, Юэ-цзунь».

«Твоего уровня совершенствования может не хватить, это может быть опасно», — донёсся из-за занавеса равнодушный голос.

Те Хэнцю, опустив голову, ответил: «Пройду сквозь огонь и воду, не колеблясь».

<http://bllate.org/book/16975/1584666>